

Раздел восьмой

РОССИЯ В ПОЛЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Н. А. Косолапов,
кандидат исторических наук,
ИМЭМО РАН

Россия: внешняя политика в глобализирующемся мире (1990-2002)

Главным противоречием внешней политики России 1990-х годов было и во многом продолжает оставаться то, что *объективно* Российская Федерация с самого начала постсоветского этапа ее истории живет и действует в глобализирующемся мире. Причем наличием практически равного с США ракетно-ядерного потенциала она выдвинута на острие мироглобальных отношений и не может покинуть эту позицию — даже если бы очень хотела, — не отказавшись минимум от 95—98% стратегического потенциала¹. *Субъективно* же ни осознания этого факта, ни признания неизбежности вытекающих из него выводов в России не было на

¹ Эти цифры не случайны. Наличие стратегического потенциала, пока практически равного потенциалу США, объективно делает Россию единственным в мире государством, способным нанести США неприемлемо для них высокий или даже уничтожающий удар. Те почти союзные отношения, что установились между Россией и США после 11 сентября 2001 г., ослабляют, но не снимают значения данного фактора. Даже если представить возможность членства России в НАТО, вряд ли в рамках одного союза у государства — его лидера и у одного из рядовых и новых членов может быть равный стратегический потенциал: это объективно меняло бы положение лидера в союзе, на что США если и пойдут, то лишь при самых крайних для себя обстоятельствах. По числу боезарядов французский стратегический потенциал составляет 1,8% от имеющегося в мире, британский — менее 1%. При этом ни французские, ни британские системы не достигают территории США. Подсчитано автором по: Ежегодник СИПРИ 2001 Вооружения, разоружение и международная безопасность. М, 2002. С. 576-590

протяжении 1990-х годов. Это проявилось в поисках "евразийства" и в охватившей российскую военную и политическую элиты с начала 1990-х годов эпидемии геополитического мышления. За "евразийством" не стоит вообще никакого социального содержания. Но призыв к такому поиску сам по себе тождествен неприятию глобализации не только в конкретных ее аспектах, но и как тенденции мирового развития в принципе. Геополитическое мышление, принимая идею единства мира как таковую, трактует ее лишь как целостность и неразрывность процессов соперничества и противоборства в мировой политике и истории, потенциально возвращая тем самым Россию к мышлению и представлениям кануна Первой мировой войны.

Отсюда раздвоенность, которой страдала внешняя политика Российской Федерации, особенно при сравнении ее с декларируемыми установками. Громко заявленные в начале 1990-х годов антикоммунизм, приверженность либеральным ценностям — и не менее громкий, притом стратегически опоздавший и заведомо бессмысленный протест против расширения НАТО, способный принести только дипломатическое и политическое поражение на пустом месте. Борьба за вхождение в "большую семерку", участие в "восьмерке" — и одновременно приступы геополитической ностальгии, выражаемые в том числе на самом высоком уровне. Акцентируемый геополитизм основной части официальных структур России (повальный в силовых ведомствах, доминирующий в законодательной и исполнительной ветвях власти, а с их подачи и в СМИ) — и процессы явной деградации технической базы и обеспечивающих структур вооруженных сил, не объяснимые одним только дефицитом ресурсов. Стремление играть весомую роль в мировой политике и международных отношениях — и отсутствие всяких признаков курса, направленного на укрепление реальных позиций России в мировой экономике и на постсоветском пространстве.

За этой противоречивостью внешней политики стояли серьезные факторы и причины. СССР не участвовал в процессах, кульминацией которых стала глобализация конца XX в., точнее, де-факто участвовал в качественно иной глобализации (о чем ниже). После распада СССР и предания коммунизма анафеме в России на лунном идейно-политическом пейзаже расцвел геополитический по названию, а по сути неоимперский взгляд на мир и идущие в нем процессы. У этого взгляда были свои духовные и политические причины и движущие силы. Дело в том, что сама глобализация на протяжении 1990-х годов претерпела глубочайшую трансформацию: от биполярной модели симбиоза двух систем — через недолго продержавшуюся в условиях США-центричного мира олигархическую модель — к США-неоимперской модели. Понятно, что это обстоятельство затрудняло выработку Россией устойчивого политического отношения к этому явлению.

Внешняя политика РФ стала осознанно входить в глобализацию с 2000 г.¹ — рубежа, к которому вполне оформилась уже новая элита страны,² определились характер и содержание ее стратегических интересов³. Тот факт, что это вхождение осуществляется в глобализацию США-неоимперского типа, вызывает к жизни новые вынужденные противоречия в содержании и формах внешней политики.

* * *

Советский Союз субъективно остался в стороне от глобализации (вести ли ее отсчет с рубежа 1970-х, середины 1980-х годов или с более ранних времен³). Это было обусловлено сочетанием комплексов внутренних и внешних причин, системных для самого СССР и для глобализирующегося в своей несоциалистической части мира. Однако это не означало, что из конфронтации СССР и США объективно не складывалась особая, своеобразная модель глобализации. Целостность явлений, процессов, систем отношений может основываться как на внутренней однородности, неделимости, так, по видимому, и на своеобразном "объединяющем" эффекте присутствия противоречия, которое и решить невозможно, и спрятаться от него

¹ Только тогда избранный Президент РФ В.В.Путин заговорил о глобализации, непосредственно связав дефицит управления ею со стороны государств и правительств с распространением международной экономической преступности и подпиткой терроризма, а цели такого управления — с поддержанием "социальной безопасности государств и личности" и преодолением разрыва в развитии между Севером и Югом. См. его выступление на деловом саммите АТЭС "Бизнес и глобализация" в Брунее 15 ноября 2000 г.: Компас. Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС. 2001. № 35-36. 4 сент. С. 5-6.

² См. об этом, в частности: *Размеров В.В.* Российский правящий класс и его политика // *Российская внешняя политика на рубеже веков: Преемственность, изменения, перспективы.* М., 2000. С. 26-48; *Косолапов Я.* Внешняя политика постсоветской России: Задачи, социальные предпосылки и движущие силы // Там же. С. 5—25; *Он же.* Становление субъекта российской внешней политики // *Pro et Contra.* Зима-весна 2001. Т. 6. № 1-2. С. 7-30.

³ В отечественной и мировой литературе существуют три взгляда на датировку "стартового рубежа" явления глобализации. Одни авторы связывают ее с новой бесспорно ощутимой ролью транснациональных корпораций и банков, фиксируемой в специальной литературе с конца 1970-х годов. Другие, менее многочисленные, считают таким стартовым периодом середину 1980-х годов, когда кризис СССР стал очевиден. На протяжении 1990-х годов получила признание и распространение точка зрения, усматривающая начало глобализации в становлении капитализма как будущей мировой системы. Наконец, отдельные авторы полагают, что начало духовной глобализации было положено становлением мировых религий. О глобализации как явлении см. работы, сочетающие определение и анализ самого явления с исследованием его истории и международных последствий: *The Globalization of World Politics* / Ed. J.Baylis, S.Smith. N.Y., 1997; *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* *Global Transformations: Politics, Economics, and Culture.* Cambridge-Oxford, 1999; *O'Rourke K.H., Williamson J.G.* *Globalization and History. The Evolution of the Nineteenth-Century Atlantic Economy.* Cambridge; L., 1999; *Politics and Globalization* / Ed. M.Shaw. L.; N.Y., 1999; *Smith T.W.* *History and International Relations.* L.; N.Y., 1999. Из отечественной литературы надо особо выделить работы *Ю.В.Шишкова*, а также статью: *Коллонтай В.* Эволюция западных концепций глобализации // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 1; № 2; монографию: *Постиндустриальный мир и Россия.* М, 2001.

некуда. Военно-политическая конфронтация СССР и США была целостностью, которую, на наш взгляд, правомерно и необходимо рассматривать как первый этап практической глобализации.

Россия вступила в глобализацию лишь с 2000 г., потеряв, по сравнению с бывшим СССР, половину населения и экономического потенциала, почти столько же территории, опустившись в низшей точке кризиса до 5% от уровня ВВП США, с позиций проигравшей "холодную войну" (что по сути в корне неверно). Главное, это были уже совершенно иная глобализация, иная Россия и иные условия ее вступления в глобализацию.

С исчезновением СССР, а с ним и конфронтации СССР и США как государств-лидеров соответственно соцсистемы и свободного мира¹, глобализация приобрела моноформационный характер. Ее содержание составляют отныне только те явления и процессы в финансовой, экономической и иных сферах, нарастание которых исследователи связывают с эволюцией современного западного общества. Военно-политические аспекты глобализации отступили в отношениях между США/НАТО и Российской Федерацией на задний план, а в остальном существенно трансформировались вследствие превращения США в единственную глобально дееспособную военную силу.

Современную глобализацию можно определить как триединство процессов:

— формирования и эволюции целостного глобального мирохозяйства, опирающегося на информационные технологии, постиндустриальную экономику и образ жизни и на транснациональные корпорации (для которых наиболее значимы уже мировые, а не национально-страновые рынки);

— складывающегося (но пока находящегося в самом начале) междунaродно-политического оформления этой целостности, ведущего к дальнейшему "сжатию" суверенитета государств, занимающих места от второго и ниже в фактической иерархии субъектов международных отношений;

— стремления экономически ведущих государств (прежде всего США) воспользоваться глобализацией, ориентируя ее важнейшие процессы в максимально благоприятном для себя направлении².

¹ Строго говоря, остается еще Китай, продолжающий считать себя социалистической страной, на деле ею являющийся и управляемый компартией в условиях политической системы, претерпевшей после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. лишь минимальные перемены. Но захочет ли и сможет ли Китай занять в будущем место СССР в противоборстве с капитализмом, покажет лишь время. Пока ни малейших признаков такого стремления руководство КПК и КНР не обнаруживает.

² Это определение глобализации интегрировано автором на основе наиболее распространенных в научной литературе более частных определений, обычно включающих все использованные нами компоненты, но не объединяющих их в единый комплекс. Обзор подходов к определению глобализации см., в частности: Глобализация: Контуры XXI века: Реферативный сборник: В 3 ч. (особенно вступительную статью МГ.Малиновского "Глобализация 90-х годов: Время выбора". М., 2001. Ч. 1.).

В международно-политическом плане глобализацию определяют также как "процесс, в ходе и результате которого государствоцентричные институты и условия жизни общества размываются в пользу структур отношений, возникающих между субъектами, действующими в подлинно глобальном, а не просто международном контексте"¹. Такое понимание глобализации означает, что в мире складывается совершенно новая социально-политическая общность. В 1990-е годы глобализация объективно решает задачи международно-политического оформления США-центричного мира как миропорядка², закономерно устанавливаемого и закрепляемого формально или же неформально победителем в "холодной войне", стремящимся гарантировать себя и свое положение в мире.

Опыт последнего десятилетия позволяет заключить, что в США доминируют два подхода к международно-политическому оформлению глобализации. В основе того и другого — авторитарная модель глобального миропорядка во главе с США (иной эта модель быть и не может). Но если в период президентства Б.Клинтона эта модель выглядела скорее как олигархическая с чертами демократизма, то с начала 2000-х годов та же в основе своей модель интерпретируется как нечто среднее между жестким авторитаризмом (с минимальными признаками олигархичности) и глобально-имперским подходом.

Россия входит в глобализирующийся *подобным образом* мир с экономикой, дающей около 1,7% мирового объема ВВП при доле РФ в мировом населении примерно в 2,5% (доля США в мировом объеме ВВП и мировом населении — около 20% и около 4,5% соответственно). РФ получает возможность участия в глобальной мирополитике лишь потому, что объективно выполняет важную функцию в созидании глобального миропорядка: если такой порядок принимает постоянный член Совета Безопасности ООН, обладающий равным США ракетно-ядерным потенциалом, то у этого порядка фактически нет и не может быть альтернатив.

При этом условия допуска России в глобальную экономику, по сравнению с бывшим СССР, едва ли не ужесточились. Хотя Россия признана США и ЕС в качестве страны с рыночной экономикой (в противном случае российские реформы "повисали" бы в вакууме легитимности), в США на начало 2003 г. не отменена поправка Джексона—Вэника, служащая рычагом постоянного экономического и политического давления на РФ. В США и ЕС нормальной практикой стала фактически экономическая война против товаров из России

¹ Evans C, Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. L.; etc., 1998. P. 201.

² Автору уже приходилось подробно рассматривать этот вопрос. См.: Косолапов Н.А. Международно-политическая организация глобализирующегося мира: Модели на среднесрочную перспективу // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 140-166.

под ширмой антидемпинговых расследований; и горизонты принятия России в ВТО отодвигаются, судя по всему, за пределы 2005 г.

На всем протяжении 1990-х годов задача "вхождения России в глобализующийся мир" не ставилась как специальная и самостоятельная ни в ее внешней политике, ни в общей стратегии. По критерию фактического отношения к глобализации как данности политика России прошла в этот период через четыре этапа, которые здесь можно обозначить лишь в самых общих чертах.

Первый этап начался с принятия в РФ Декларации независимости (май 1990 г.; фактически с конца 1989 г.) и продолжался до распада СССР (декабрь 1991 г.). Самостоятельной по явным ее признакам внешней политике у РСФСР, еще находившейся в составе СССР, не было. Но то, что самый первый звонок из Беловежской пущи был сделан в Вашингтон, бесспорно указывает на высокую чувствительность тогдашнего российского руководства к основной политической характеристике будущего постсоветского глобально-го мира — его США-центричности.

На втором этапе (1992—1993 гг.) зримый проамериканизм внешней политики РФ прагматично решал и решил важнейшие для новой центральной власти России внутренние и внешние задачи¹. Главным политическим условием и предпосылкой такого решения было именно согласие США: в одних случаях выражавшееся открыто, ясно и четко, в других — завуалированно, в третьих — принимавшее форму молчаливого наблюдения, при необходимости допускавшего возможность смены позиции в ряде вопросов даже на антироссийскую. Россия в тот период не ставила перед собой задач подключения к глобализации и/или ее отдельным процессам. Третий этап (1994—1999 гг.) в самой России стал временем закрепления новых отношений собственности и власти, в процессе которого формировались новые элиты и государство. При этом затянувшееся пребывание у власти лидера-разрушителя прежней системы и страны объективно способствовало тому, что процессы дезинтеграции и распада зашли во всех областях существенно дальше, чем это было необходимо, а выстраивания и отладки нового оказались заторможенными, сильно и неоправданно (даже опасно) затянутыми. В отсутствие достаточно сформировавшихся внешних интересов новых элиты и государства шла реидеологизация внешней политики на основе классической геополитики. В ее основе

¹ Такими задачами, решающим образом замкнутыми на международные отношения и позицию США, были: во внутренней сфере — обеспечение "стартовой" легитимности постсоветских режимов и проводимых ими реформ, прежде всего российского, как возглавившего вторую после США ядерную державу; в области внешних сношений — признание за РФ международного правопреемства по отношению к бывшему СССР, включая сохранение за ней статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Подробно анализ итогов внешней политики России 1990-х годов см.: Внешняя политика России: 1991-2000 // Pro et Contra. Ч. 1: Зима-весна. 2001. Т. 6. №1-2; Ч. 2: Осень. 2001. Т. 6. № 4.

лежал подход, жестко фиксирующий Россию в диапазоне между отстраненностью от Запада (тождественной маргинализации РФ в мире) и противостоянием с ним (чреватым внутренним банкротством и международным поражением России, возможно, с утратой ее государственности). Ставка на геополитическое противостояние с США и Западом, откровенно сделанная в этот период, быстро начала создавать реальные угрозы внешним интересам новой российской элиты (прежде всего в вопросах надежности ее вкладов на Западе и личной защищенности от возможных судебных преследований).

С рубежа 2000 и 2001 гг. (зримо — с 11 сентября 2001 г.) новое руководство России стало предпринимать осознанную попытку войти в международно-политическую глобализацию посредством особых отношений с США, становление которых одним своим фактом фиксировало бы специфический статус России в мире, пока подверженный ползучей эрозии. Эволюции российской политики в этом направлении решающим образом способствовали не только новые интересы элиты, но и тот факт, что период общей ориентации Запада и особенно США в характере и проблемах постсоветского мира сменился активным выстраиванием глобального миропорядка. РФ, естественно, не могла оставаться в стороне от этого процесса. Отсюда внешняя противоречивость, присущая политике РФ в 2001 г. — начале 2003 г.: заявленный курс на сотрудничество с США и НАТО в борьбе с международным терроризмом и одновременно сдержанное (если не негативное) отношение к возможности войны США против Ирака, особенно без санкции на то Совета Безопасности ООН. Это противоречие становится понятным, если принять во внимание прецедентное значение войны и всех процессов и процедур послевоенного урегулирования в становлении первого в истории глобального миропорядка.

* * *

Пока рано делать категорические прогнозы относительно того, сколь далеко продвинутся в конечном счете процессы глобализации, какие международно-правовые и международно-политические формы они обретут, как видоизменяют привычную систему международных отношений. Часть российских элит не разделяет курса на вхождение РФ в глобальный миропорядок, относится к нему настороженно, продолжая мыслить геополитическими категориями¹.

¹ Особенно это характерно для представителей так называемых "силовых ведомств", что ставит президента как главнокомандующего в сложное положение. См. особенно статьи и выступления одного из наиболее сильных выразителей "просвещенно-геополитической" точки зрения генерал-полковника Л.Г.Ивашова, например: НАТО приобретает новое качество // Независимое военное обозрение. 2002. № 42 (312). 29 нояб. — 5 дек. С. 1, 3.

В этих условиях целесообразно, видимо, озаботиться правовым оформлением и укреплением наиболее значимой для России части постсоветского региона и поддержкой таких складывающихся моделей миропорядка и глобализации, которые наиболее соответствовали бы интересам и целям внутреннего развития самой России.